

Л. УТМЫШ

ДРУГОЙ ВАГОН

Притчевые рассказы

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Через щель в заборе вижу, знакомого пацана росгвардейцы заводят во двор. Аха, значит, тетя Нина при смерти, раз Юрку привезли. Следом подкатили кореша. Молодец женщина, устроила свиданку друзей. На смертном одре и то при исполнении материнского долга: сделать все возможное и невозможное, чтоб дитяти радость подарить. Пацаны прошли в дом, вскоре высыпали наружу. Что-то не заладилось у них меж собой, перешли на мордобой. Конвой не вмешивался, болея за подопечного: «Бей левой, левой, пропускаешь». Как бить левой, если боец правша? Юрка отступал, хотя тот еще «боксер», «танцевал» без правил, как зверь. Мельницу крутил, кулаками молотил. Кореша все-таки отгеснили зека на свободную территорию.

Зазевался, переживая за соседа. Вдруг ко мне подскочил один из корешей, ткнул в щель «пером» в сплетение, в пищевод, вынул перо. Я согнулся: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Рот забился слюной. Сперло дыхание. Замер, чувствую жгучую боль, не сопротивляюсь. Отдышался, плавно разогнулся, кореш вонзает перо туда же, теперь глуже. Боль сильнее. Кричу по-бабски: «Не-е надо-о».

Черт! Оказывается, в полусне я видел через окно, как Юрку привезли, как высыпали мужики во двор. Боль моя проснулась, от нее я опять вырубился. Во сне удар под дых поймал, за жизнь цепляюсь, жить хочу. Очнулся злым. Наяву я медленно умираю, а хочу — быстро. Не скорей, а именно сегодня, сейчас. Собак нерезанных за 500 рэ усыпляют, а нас, доходяг, ни за какие миллионы. Что за страна?! Сплошные гуманисты. И с родителями не повезло. Бегают, суетятся, лечат. Поэтому решил, хватит с меня: родился в муках, живу страдая. Дайте для баланса закончить вязать узор жизни без мучений.

— Вешайся, — врач неотложки предложил, — только веревку мылом хорошенько натри, чтобы не карябало, приятно умирать было.

Я вызвал скорую. Неотложка безотказно приезжает ко мне, «выключают» и уезжают. Как мужика медика просил:

— «Выключи» насовсем, коктейльчик сделай. Сорок «штук» на карточке лежат.

— Сирота?

— А надо?

— Осиротись сперва. Троих загубить предлагаешь? Я пас, — док стал нудно «кружить». — Я клятву давал, не по адресу, — и т.д. и т.п.

— Дунь на лампаду, пусть она погаснет, как человека прошу.

Не дуну. Не загасил. Не пожарник. Не жалости, ни сочувствия. Внутри у меня, между прочим, пылает, горечь нутро разъедает, пища не проходит, обратно выползает, тело в конвульсиях трюки выделяет, в голове замыкание щелкает.

На этом разговорчик свернули. Док обезболил. Полегчало. Неотложка уехала.

Какая великолепная идея была! Родня так и так на Новый год собралась бы у нас. Заодно выпили бы за меня, как положено, не чокаясь.

«Вешайся». Спасибочки, подсказал, а то я не знал. Но почему бы и нет? Надумал удушиться в горизонтальном положении, подушкой вход кислороду перекрыть. После — подушка свалится, я постараюсь, чтоб свалилась, родители подумают, во сне ушёл

естественным образом. Принял душ, переоделся в недавно стиранное, улегся на диван. Тугую подушку обнял. У меня их две: мягкая под голову, тугая под мягкую. Накрыв рот. Давлю. Давлю от души. Руки отпускают хватку. Боролся изо всех сил, но подушка меня на лопатки положила. Чистая победа за подушкой. Уснул от усталости в обнимку с ней.

После короткого забытья очнулся, продолжил думать. Надумал всё-таки вешаться, травиться долго. Вышел на террасу, там у нас по совместительству кладовка. Капроновая бельевая веревка, протянутая через террасу, не пойдет. Оранжевого цвета, семафорит. Бросилась в глаза велосипедная цепь. Тоже не пойдет, шею натрет. Порылся в тумбочке с техническим хламом, нашел гладкий трос. Не царапается, о чем доктор предупреждал, соскользнет быстро. Брутальнее буду смотреться, чем, положим, буду висеть на электропроводке. Вытянусь, как следует. Вот только за что его зацепить? За люстру? Не выдержит, хотя люстра держится на надежном крюке. Не-ет, комнату гадить не буду.

Вышел опять на террасу, обследовал. Дед в свое время массивный крюк вмонтировал в потолок, чтобы меня в люльке вешать. Замотал изолянтной узел на петле из троса, перекинул через крюк. Встал на табурет, надел петлю. Вдруг раздается ор: «Открой!». Пошатнулся, повис, вишу. Крик громче доносится: «Сдох, что ли?!» Вены надулись, воздуха не хватает, едкая кислота режет тело мелкими стеклышками, ноги дергаются. Скоро конец? Силы по-настоящему уходят. Впереди надо ещё что-то пережить, не знаю что, но пережить надо. Крик тем временем громче, мешает сосредоточиться, настрой улечучивается. Улетучился.

Пальцы судорожно протискиваются между шеей и тросом, царапаются. Крик длит мгновения ужаса. Сейчас, через миг, будет нечто. Умереть бы скорей. Крик не дает это сделать. Страх от смерти перешел в страх, что тот, кто кричит, увидев меня, начёт дергать вниз. Тогда точно удавлюсь по его, не по своей, воле.

Стал суетиться, раскачиваться. Раскачался, зацепился ногой за толстую трубу отопления, дед сам варил. Как только нога отыскала опору, приподнялся, ослабил ошейник, скинул через голову, грохнулся на пол. Тысяча игл вонзилась в мускулы. Больно. Страшно. Почудилось: умер, настолько был обесточен. Оказалось, не умер. Собрался с духом, крикнул: «Открыто».

Когда вешался, дверь не запирает, чтоб родители после шопинга смогли без проблем войти и увидеть картину маслом «Грачи прилетели». Только вместо грачей вороны слетели бы на меня. Не получилось задохнуться. Приказал себе встать, пройти в комнату, чтоб распластанное на полу в террасе тело, кто рвётся к нам, не узрел, петлю не заметил.

Только силы потратил впустую: надо было остаться на полу. Этот, неизвестный, голову бы не запрокидывал, наоборот, нагнулся. Кто потолки в чужом доме рассматривает? Хотя есть такая у меня тетка. Уж очень аккуратная, узрит паутину в самом дальнем угле, куда мы даже не смотрим. Не в глаза глядит, в потолок души, какие там скелеты висят.

Доплелся до дивана, плюхнулся. Лежу. Успел, пока гость разувался, пока повернул на кухню, мы чаще всего там пребываем, пока осторожно поворачивал ручку двери комнаты, где я пребываю. Входит Юрка. Я прикрыл глаза, восстанавливаю силы.

— Ты, ч-чё, лежишь? Устал, што ли? Дверь открыта. Вошёл, нич-чё? — я открыл глаза, Юрка приподнял, усадил. — Братан, медицинской поделись. Дырки замазать, базар фильтровали. Мамкина не подходит, — объяснил он цель визита.

Я поплелся к аптечке, щедро снабдил соседа перевязочными принадлежностями. Катунку пластыря подарил. Юрка мнется, не уходит.

— Ты, это, как его. Надо бы за упокой души принять.

— Рановато за упокой. Сперва вроде причастие, — неужели он видел возню с тросом? — Я не умер еще.

— Братан, ты не понял, за упокой моей души. Здесь, — бьёт в грудь, — залить нечем. Конвой смотрит. Я тоже человек, мамку жалко, никак не помрёт.

— Изжога. Оmez помогает, у нас есть.

— Это не изжога. Душа моя горит синим пламенем, — он перескочил с патетики на конкретный базар. — Ничего с градусом нет, што ли? — я отрицательно подтвердил кивком, что ничего с градусом нет. — Дай пустырник, што ли, если не жалко. Дома охрана, неудобно при них.

Слышал, но не видел, как пьют настойки. Пошарил в аптечке, нашел. Правильно говорит Юрка, у всех, если не в аптечке, то в холодильнике пузырь чего-нибудь спиртового валяется. Он быстренько сбежал за водой. Я подвинулся. Он присел на диван, вытащил зубами пробку, вылил содержимое в раскрытую пасть.

— Эй, водой разбавь, желудок спалишь, — не успел я договорить, он пузырек опустошил. Запил водой из чашки.

— Накапай я в чашку, она трое суток аптекой пахла бы. А так я водичкой закусил,

следов не оставил. Побежал я. Загляну, если мамка не помрёт. Ты тоже не помирай пока. К кому я тогда побегу? Нич-чѐ? Ты вообще долго будешь жить, не бойсь поэтому, — откуда ему знать? Юрка прочитал вопрос в моих глазах. — По анатомии проходили. Печень, как хвост ящерицы, отрасти может.

Он убежал. Я откинулся на спину, закрыл глаза, отдыхаю. Непонятно, сколько — час, вечность. Опять стук в дверь. Кричу:

— Открыто, входите.

Послушался. Вошел. Мужчина за сорок с хвостиком. Поджарый, подвижный.

— Чѐ не спрашиваешь кто?

— С утра гости без спросу. То Юрка, то...

— Дядя Газраил.

— Из неотложки?

— Да. Примчался как только, так сразу.

— Вообще-то я не вызывал. А где чемоданчик?

— У костлявой оставил. Любит она инструменты, я — разговоры.

— Понятно.

Знакомые старухи все в теле. Я не понял, о ком речь, виду не подал.

— Сама тебя навестить не смогла. Еѐ коса на камень нашла.

Реально ощутил скрежет, съежился. «Тс-с», — просвистел, чтоб я не ворочался.

— К Нине пошла. Сопротивляется женщина, не хочет с ней уйти. Обычно мы непрошенные гости. А ты сам нас вызвал раньше времени. Гляжу я на тебя, признаюсь. Мы клиента не с первого раза забираем, пару сеансов профилактики проводим, особенно тем, кто репетицию устраивает. Приходишь за ними по-настоящему, сопротивляются, цепляются за жизнь — не оторвать. По дороге к тебе заглянул к женщине, в кому впала. Легонько трогаю за плечо, бужу, забрать хочу. Торговаться начала: «Давай, не в этот раз, не сейчас, жизнь только наладилась, жалко, я ещё Париж не видела, это же обязательно». И так каждый раз с такими. Пожалел, в коме оставил. Медики вызволят.

— Болеет?

— Ещё как! Но как живет?! Знает, жизнь — редкий подарок, боится потерять. Нас не гневит, в отличие от некоторых, не буду тыкать пальцем. В кого, сам догадываешься. Дорогу на зеленый свет переходит, без маски на улицу не выходит, ЗОЖ увлекается. Старается женщина, любой мелочи радуется. Ждем, когда весь список дел переделает. Мы таким в качестве бонуса срок добавляем. Лично попрошу за нее, опытно торгуется. Боссу доложу, босс отсрочку одобрит. Твоя мама тоже хорошо торгуется.

— Моя мама?!

— А ты как думал? Просит в слезах, меня заберите, жить без него не смогу, он без меня обязан. Пришлось ситуацию проконтролировать, Юрку заслать. Не дерзи больше. Разговор короткий будет в следующий раз. А сейчас я тихонько уйду. Спи. Вызовов много.

— Не могу больше...

— Дерево ты не посадил, дом не построил, сына не родил. Мы тебя на паузу поставили. Рано тебе с нами уходить. Мало хорошего сделал.

— Понимаю. От меня пользы, как от козла молока.

— Верно, от козла нет молока. От козы оно ценное. О, женщины! Без них никак.

— Знаю, что козел. Какой профит от меня? Почву удобрю собой?

— Органы страждущим подари. Их столько в очереди!

— Я гнилой. У меня печень.

— Я три печени знаю: гуся, трески и Прометея. Твоей среди них нет.

— На районе знаменитее моя, гордость Юрки. Теть Нина страшает, не пей, сынок, козлёнком станешь, печень погубишь. Он: «Вон Руслан не пьет, не курит, спортом занимался, а печень разлагается». Великая тайна для соседки, почему моя печень забарахлила, не Юркина. И я не пойму почему.

— Молодой ты, братан. Глаза видят, сердце стучит, почки фильтруют, легкие дышат. Сколько добра! Отдай. Напишешь заранее, что даришь, всё по описи примут.

— А мозги? Я вроде толковый.

— Да, мозги твои светлые...

— Серые.

— Действительно подурнели, раз дуркуешь. Мозги лечи.

— Согласен. Умру — всё подарю, когда ещё раз придѐшь. Пока поживу.

— Бывай, короче. Пойду, работы привалило, новый вызов. Если придуривается, как ты, уговорю тебе печень подарить, — сказал и исчез дядька.

Не получилось вешаться, придется жить. Дядя Газраил доходчиво убедил. Проспал до прихода родителей. Странное утро. Дважды прерывался сон. Было «перо», петля, Юрка.

Юрка пришёл (повторно?) за медициной. Отец налил ему для сугрева не из пузыря. Сосед подмигнул, чтоб я не выдал, что давеча он уже заходил. Может, однако, не заходил.

Мама на кухне вытащила гуся копченого. Запах! А вкус?! Есть или не есть? Вот в чём вопрос! Трудный выбор, душевные терзания. За маленький кусочек гусятины буду отвечать по полной программе. В обед мама накрыла предновогодний стол. Я вкусил махонький кусок копчёной гусятины, больше отступлений от диеты себе не разрешил.

Долго жевал впечатления дня. Вечером прибежал Юрка, весь встревоженный. Растерялся, не зная, как быть, мать уходила. Отец пошёл с ним, был у них до утра. Рассказал, до последнего сознание Нины не туманилось, она беседовала с сыном. Просила отца приглядеть за Юрой, когда вернётся, а пока сидит — за домом. Волновалась женщина, пропадёт парень без неё. Это уже лично Юркина проблема. Но почему-то моя печень ноет, когда думаю о Юрке.

«Умереть когда-то не страшно, страшно умереть сейчас». А. Солженицын.
Говорят, умереть не страшно, страшно умирать.

ФЮРЕР И КАЛЕКА

Уверенной поступью на трёх ногах, сказывалось карьерное прошлое, мужчина вошёл в здание, где торгуют здоровьем и эстетикой. Сориентировался, открыл нужную дверь. Милая менеджер фитнес-центра начала бодро, настолько бодро и громко, что у посетителя загнула голова.

— Можно тише? Не успеваю, — проговорил он, сдавливая пальцами лоб.

— Всем не громко, вам громко, — Рине, как гласила табличка, не понравилось замечание, но громкость она сбавила. — У нас три вида абонементов. Первый...

Потёк деловой разговор. Говорила в основном менеджер. Посетитель, однако, перебивал её, уточнял. Менеджер и посетитель контролировали разговор с переменным успехом. Посетитель выбивал предпочтения. Менеджер навстречу не шла.

— Спасибо. Определюсь, приду, — мужчина собрался уходить. Что-то не отпускало. Задержался у двери. — Извините, можно замечание личного характера? — дождавшись кивка, процедил: — У вас агрессивный стиль менеджмента: напор, инфра без передышек, безапелляционный тон.

Зачем он сказал, что сказал? Не позволил дерганой леди управлять беседой, так ещё сделал замечание. Наглец. Рина, возможно Марина, взвинтилась. Он тоже представлялся Алексом до несчастного случая. Замечание вызвало лавину эмоций:

— Мне сорок лет, я красивая...

«Смотришься тощей малолеткой. Моришь себя диетой, тренировками. Пора нарастить мясо-то, — подумал мужчина. Когда говорит, а говорит Рина, активно работая мимикой, вокруг подвижных губ прочерчиваются тонкие линии. — Слишком артикулирует. Губы надула ботексом. Да, сороковник есть».

— У меня замечательный муж...

«Повезло мужику», — хотел было посетитель пошутить, не успел. Мэм снайперски расстреливала его по болевым точкам.

— ... два прекрасных сына.

«Родить, воспитывать — за это молодца, дивчина. Браво. Маткапитал — не цена за такой подвиг. А я...»

— Я — лучшая по продажам!

Посетитель улыбнулся. Что он мог возразить? Мужчина почувствовал себя голым. Мэм срывала его защиту, разоблачала. Правда состояла в том, что у него нет жены, детей, даже подружки нет. Карьера, благосостояние, здоровье в прошлом, перспективы в тумане.

Женщина раздевала мужчину слой за слоем, обнажая наготу. Она не знала его анкетных данных, фактов биографии. Незнание никогда не освобождает от наказания. Женщина наказывала жестко, наотмашь, хлеща по незаживающим душевным ранам. Возможно, не хотела, но имела право. Собственные достижения не свалились ей в одночасье, они плод напряжённого труда, старания, преодоления.

Не заставляйте лузеров стыдиться. Нельзя так с незнакомцами, с калеками в особенности. Кто увечен с рождения, как правило, у них не бывает семей, кроме родительской. Не то что с карьерой, с просто работой не складывается. Они мимо больших накоплений и внешней привлекательности. У Алексея перекошенное тело, замедленная речь, не к месту улыбка — в этом мало эстетики. Он улыбнулся:

— Люди разные.

— Да, люди разные. Я такая. Я лидер. Вы слышали о нумерологии? — он кивнул. Тест на эрудицию его рассмешил. Рина затараторила, — по нумерологии у меня 3 единицы в дате рождения, я — лидер, лучшая по продажам! — в течение минуты женщина выпалила всё про себя. И как точку над *i* подняла оба больших пальца вверх.

«Лидер», «руководитель» на немецкий язык переводится как «фюрер». Я знаю одного фюрера, и это — Гитлер», — усмехнулся мужчина. Сказал другое:

— Рад за вас. Пойду, — подытожил встречу Алексей, переложил трость в другую руку, крепче оперся на «третью» ногу, поплёлся из здания вон.

Образ моторной леди не отпускал. Что-то не так с ней, иначе не стала бы аффирмацией перед ним заниматься. Что вывело из равновесия? Что он не купил абонемент и лучшая по продажам проиграла? Иронично улыбался? Он действительно насмеялся, когда выслушивал, какой он... Так случилось, он без претензий к окружающим. Не потерял самообладание? Если честно, самообладания ему не хватает. Зачем, например, унизился, выпрашивая побрякушки, скопидомничал? Обычная бюрократка. Не нарушит установленные предписания, ни-ни. Боится выйти из зоны комфорта, слаба. Не Азамат.

Азамат, тренер по бодибилдингу, когда Алексей зашёл в зал посмотреть, подходят ли ему тренажеры, успокоил Алексея, дескать, он никому не будет мешать, может заниматься, сколько влезет. Тренер бесплатно вёл его два года, прежде чем Алексей отбросил костыли, перешёл на «третью» ногу, как они называли трость. С ростом мышц наладилась речь. Воодушевлённый победами, Алексей решил разведать, получится ли ходить в фитнес-центр, расположенный на родной улице, чтоб не мерзнуть в ожидании транспорта до Азамата. Увы и ах. Менеджер озвучила неподъёмную цену годового билета, на компромисс не пошла. И не должна.

Мужчина шёл и размышлял, обществу не очиститься от ненормотичных. Гитлер пробовал, не вышло. Нездоровье воспроизводится, несмотря на НТП, ЗОЖ, ПП, потому что воспроизводятся мутации, травмы, пагубные пристрастия. Не лежит на сердце помочь, не позволяют инструкции — не перекрывай кислород, не хвастайся достижениями. Они достойны восхищения, зависти, но будьте великодушны к тем, у кого их нет.

По дороге его обогнала Рина. Быстро, однако, ходит лучшая по продажам. Уверенные в себе не торопятся, хотел было крикнуть ей мужчина. Мэм была уже далеко, не услышит. Чего не достаёт, за чем торопится?

«У вас всё есть. Наслаждайтесь жизнью. Придёт срок, время само остановится, не стоит его погонять, — послал мужчина свои мысли вслед. — Как не стоит меня «раздевать». Помню, что одинок. Никто не виноват. Я сам вытянул эту «лотерею».

ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ ПЛЕЙБОЙ

Плейбой как-то вечером подобрал девушку, повез «куда глаза глядят». Оказывается, оба глядели в сторону его квартиры. Плейбой сразу приступил её «удобрять». «Удобрить» — выражение Плейбоя — «сделать доброй», а не то, что сразу приходит на ум: навоз, жижа, пестициды-гербициды. По обычному графику «удобрение» длится два месяца, потом девушки становятся для него неинтересными, даже «куколки» — высшая категория в его системе: «Я хороший пацан для игр, ничего больше. Замирая, смотришь на неё снизу вверх, я же сижу, она стоит, пока не завоёвана. Завоюешь, отдышишься, уже не волнует».

Жениться официально Плейбой не собирается, не хочет квартиру разменивать в случае развода, только разве если Фифа родит. Это маловероятно, она восемь лет жила с мужиком, не родила. «В детстве бегал. В юности на костылях ковылял. Сейчас в коляске. Немного погодя лягу. Фифочка уйдёт. Я сам бы ушёл. Что за жизнь с бревном в постели? Со штампом в паспорте женщина вполне резонно оттяпает долю от недвижимого имущества за бесцельно прожитые годы. Смысл штамповаться?»

Живут Плейбой и Фифа страстно. Плейбой ужасно вспльщивый. «Скажи, у тебя с ним было?» — «Нет». — «Скажи честно, у тебя с ним было?» — «Да не-ет, не было». — «Врёшь, у тебя с ним было!» — «Да, было. Было! Устраивает?» — «Ах, ты, подружка кобеля, рога мне наставляешь!» — «Наставляю. Назло!» Перепалка переходит в активную фазу, он выхватывает её за что ухватится, чтоб приблизить. Она выставляет ответный блок. Однажды схватила стакан с тумбочки, швырнула в Валерку, стакан пролетел через всю комнату, влетел в Плейбоя, рассёк бровь. Полилась кровь. Кровь на лице, кровь на полу. Не почуввав боли, от вида крови он двинулся к ней. Фифа стоит как

вкопанная. Между ними опасно близкое расстояние назревает, Фифочка стремглав шмыгнула в спальню родителей, заперлась на ключ. Двери в квартире настоящие, из массива дерева, их вышибить трудно. Повозился, повозился с дверью Плейбой, выругался от души, уехал в ванну умываться, стираться, йодом мазаться. За дверью стихло.

Вечером Фифа позвонила Скелету, говорит, я убила его, через окно сбежала (квартира на первом этаже), иду в полицию признаваться, пошли за компанию, группой поддержки будешь. Скелет отключается от Фифы, набирает Плейбоя. Да живой я, успокаивает тот, бровь рассёк, кровищи до фига было, футболку выкинул, полы протёр. Скелет набрал Фифу, признание, сказал, отменяется.

Утром Плейбой подъехал к подъезду подружки, у которой его куколка ночует при сложных жизненных обстоятельствах, открыл дверцу, приветствовал Фифочку словами: «Молодец, что заперлась». Плейбой себя знает, шепотной он парень в тяжелом весе, с легкостью свои 90 кг переносит с кресла на кресло, как олимпийский чемпион в упражнениях на параллельных брусьях, поэтому за себя не ручается, когда невменяемый. Друзья это знают, Фифа теперь тоже.

Никаких взаимных упрёков, долгих объяснений, клятв, что подобное не повторится. Плейбой трезвеет быстро, наутро от ночных ссор ни следа не остается. Не помнит обид, но становится невменяемым на чистом глазу, когда «уличает» подружку в измене. Та тоже хороша. Надоест опровергать обвинения, взбеленится, провоцирует мужика: «да, было», «да, крутой», «да, в ресторане ужинала». Не уступает по части провокаций, поэтому не жалует, если схлопочет выкрутку руки, встряску за грудки. Весело живут, мирятся без слов, стряхнут пепел, живут дальше.

Скелету, Гуру, Плейбою укороченная программа жизни высвечивается в подкорке сознания. Кто их наследников, если родятся, на ноги будет ставить, профессией обеспечивать? Насчет детей у Плейбоя и Скелета аналогичные установки: случится дитё — хорошо, не случится — лучше. Вдруг родится со скрученными пальцами, слюнявым ртом, трясутейся головой. «Спасибо» родителю не скажет, даже если членораздельно говорить сможет. Когда у отца или матери ребёнка есть ОВЗ, «вдруг» чаще случается.

Фифа забеременела было, они даже заявление в ЗАГС успели подать. Произошёл выкидыш. Фифа может «залететь», но не может выносить. Они донельзя огорчились из-за выкидыша. Заодно похоронили радужные мечты.

У парочки отлегло от сердца, когда Скелет доказал им, что раз эмбриончик не смог за стенки матки зацепиться, значит, был слабым, с отклонениями; им крупно повезло, что природа-матушка поспособствовала, чтобы он не родился, а вывалился из утробы матери преждевременно. Если бы в срок родился, вероятно, с какой-нибудь гидроцефалией, олигофренией или с синдромом Дауна. Конечно, малыш мог бы радоваться и радовать. Временами.

Допустим, над ним будут много работать, многое удастся, только наблюдательные люди увидят его особенности. Он научится держаться среди обычных детей, не вызывая подозрений. По мере взросления мальчик, как бы то там ни было, будет грустнеть. Его разовьют, он начнет осознавать свое положение, оттого будет несчастен — за него девушка без особенностей замуж не пойдёт, он не сможет зарабатывать. Вот когда наступает настоящая горе от ума — тогда, когда развивают блаженного.

Скелет убедил Плейбоя и Фифу: «Заведите собаку, не меньше приятных моментов подарит. Займёт время, которое вам девать некуда. Ухода за ней столько же, как за ребёнком». — «Неужели тебе по-человечески не жалко его? Он мог бы человеком стать, жизнь прожить, — Фифа успела проникнуться ролью матери, сильно горевала по эмбриончику. — В конце концов, ему больно было, он мучился». — «Зачем мертвому сочувствие? Себя жалеете, горемыки. Больно ему вряд ли было, хотя немного было. Он начал чувствовать, нервная трубка сформировалась, поэтому почувствовал себя плохо, решил элиминироваться, пока не начались страдания в полном объеме». — «Нас пожалей, прекращай измываться, — Плейбой взорвался. — Не надо про нервную трубку». Фифа истощно заревела.

«Пожалеть? Как? Словами? Я предпочитаю, чтоб жалели действием, лучше деньгами», — отпрыкнулся Скелет. «Детей и во время войны рожали», — вставил Плейбой. «Да, но тогда они естественно уходили». — «Тебя убить мало! — замахнулась на Скелета Фифа. — Прекрати его называть «головастиком». — «Как прикажете? Сыночком, хлопцем? Он — аноним. «Головастик» потому, что у эмбрионов лобные доли выступают вперед, а головка занимает половину туловища. Знать надо, недородители. Давайте лучше выпьем за упокой эмбриончика. Сами не догадаетесь предложить».

Втроем они быстро организовали поминки из того, что было в холодильнике. Помянули головастика. У Фифы от 50 грамм коньяка развязался язык, она несколько раз упрекнула в цинизме Скелета. Когда уходил, Фифочка премного благодарила

его. Цинизм — это работа горя внутри. Глупо идти против очевидных фактов, факты равнодушны к горю, они — объективны, то есть не зависят ни от кого. Больные дети рождаются постоянно, от этого никто не застрахован. Плейбой и Фифа проглотили этот «витаминочек» жизни — потерю видов на полноценную семью, что равноценно счастью. Цинизм и их одолел, меньше будут нервничать, какое бы горе ни произошло.

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Скелет созрел до брака или сожительства, как карта ляжет. Случайных переписок хватало, немытая утварь портила каюфот жизни. Пришлось свыкаться с необходимостью женщины в кухне. Скелет хотел жениться не только из-за необходимости, элементарно — хотелось. Он не доверял сайтам знакомств, остановился на газетном варианте. Объявления читают по нужде, продать-купить услугу, не по делу звонить не будут.

Составил лаконичное резюме: «Для серьезных отношений, 28 лет, фотограф, БВП, ЖО». Жених завидный: «без вредных привычек», «жилием обеспечен». Мама его поздно родила, но рано умерла, оставив его одного в двухкомнатной квартире, обвешанной по самый потолок. Мать любила вязать. Отец увлекался фотосъемками. Быстро понял, зря сын родился. Уходя из семьи, аппаратуру завещал сыну. Скелет часто бесцельно «охотится» с объективом. Снимает и за деньги, в основном знакомых.

На объявление откликнулось несколько женщин. Скелет по телефону осторожно вводил претенденток в реалии. Претендентки отсеивались, не дослушав его до конца. Уцелели две особо мотивированные кандидатки. Первой пришла знакомиться дородная тётка, старше Скелета на энное количество лет. Бывшая пловчиха, теперь ходячая моржиха. Узкий таз, мощная грудная клетка, покатая спина. Мужа-детей нет. Готова нянчиться с любым, замуж невтерпеж. Скелет представил их вместе в постели, вздрогнул. Пловчиха задавит его, хрупкого, почти бестелесного, громадным телом. Наяву услышал, как хрустнули, рассыпались его чуткие косточки от её любви. Моржихе соврал, что опоздала, подруга уже нашлась.

Второй на встречу пришла блондинка с синими глазами, упругими бёдрами. Юбки, можно сказать, не было, зато были высокие ботфорты. Почти гламур. Волосы, конечно, крашенные. В остальном — настоящая «блондинка», глуповатая, манкая. Мозгами и телом подросток, хотя по паспорту двадцать два. Паспорт предъявила, чтоб Скелет усёк, она без задних мыслей.

Пришла не одна, с младенцем на руках. Мадонна. Скелету девушка показалась сестрой Сикстинской мадонны: те же большие глаза, та же расцветшая женская плоть. В такой же тревоге. Он растаял от одного вида.

— Согласна с таким жить?

— Почему нет? Квартира есть. Никого нет. Избить не сумеешь.

— Ти тето да! — вырвалось у Скелета детское восхищение.

— За ребёнком присмотришь, без садика обойдёмся, — продолжила перечислять его достоинства Мадонна. — Лучше спать с одним, чем с разными. С тобой зэпэпэ не заболеешь.

Девушка могла бы блюсти приличия, бормотать, дескать, физика не главное, главное — химия, и тому подобную ерунду. Не стала. Не заметила даже, что оскорбила. Как не влюбиться в такую дерзкую и красивую? Скелет воодушевился. У него будет содержанка!

— Мне б перекантоваться четыре года. Муж в «санатории», — блондинка добила его окончательно.

Скелет вспотел от крайней честности гостыи, проникся уважением. Угодничать — не на ту попал. Пока он собирался с духом, Мадонна деловито осмотрела комнату, вторую. Не стесняясь хозяина, прошла в кухню. Девушке понравилось.

— Велком, — сказал Скелет, как только Мадонна вернулась из кухни. — Я тебе крышу, — он загибал пальцы, — питание, присмотр за ребёнком, вайфай и пиво. Ты мне услуги в кухне и в спальне. Идёт?

— Идёт, — легко согласилась блондинка. За каких-то три часа она перевезла к нему два больших пластиковых баула с женским и детским барахлом.

Скелет и Мадонна с младенцем стали жить вместе. Мытье посуды исключительно на Мадонне. Грязная посуда — основная причина, почему Скелет решил жить с женщиной. Стираешь, убираешь раз в неделю, посуда копится всегда. Каждый день мойка полна всякой всячины, и это огорчало его до бешенства. Не то чтобы ему неприятно возиться со склизкой посудой, просто кастрюли и сковороды норовят выпасть, стаканы лопнуть. Мокрые осколки режут пальцы, их трудно собрать с пола.

Мелкая моторика подводит.

Как появилась в квартире блондинка с младенцем, стал счастливым как никто, Скелет не говорит, но признается, жить можно, временами вообще ништяк. Ему нравится. Нравится, что не он зависит от женщины, женщина зависит от него. Это возвышает. Длинные четыре года они будут вместе. На данный момент скрученный Скелет — предел мечтаний юной Мадонны. Всё ок, если бы не малыш.

Скелет откормил рахитичного малыша. Малыш подрос, окреп, заговорил. У него смысленные глаза. Совсем как взрослый мужик слушает и смотрит. Страшно становится: всё сечёт, запоминает. Вдруг отцу доложит потом? Пару раз малыш пролепетал нечто вроде «папы», Скелет вздрогнул. Да ну это отцовство к едрене фене! Он решил не прирастать к нему, чтобы не отрывать от себя с мясом и кровью, когда уходить будут. Это для баб ребёнок — это всё, а для мужиков: «Слава богу! Никого не убил. Никого не родил. Ни гения (тоже ненормальный), ни бандита». Все дети очаровательные, но великая загадка, как из некоторых вырастают отъявленные злодеи.

Всё не так уж и плохо у Скелета, чтобы выть и в петлю соваться. Муж «откинется», Мадонна уйдет, не удержишь, пророчат друзья. Отмотает срок, снова «закроют», как пить дать, уверен Скелет. Так что перспективы продлить договор с Мадонной у него неплохие.

НЕДОПОВЕСИЛСЯ

Опять мамочка и нездоровый сын. Сын перемещается по жизни в кресле. Тело, кожа да кости, плохо подчиняется хозяину; движения обрывистые, хаотичные; голова набок, слюна на плечо. Авария, спрашивают мать, или какая-то другая травма у парня? Нет, отвечает бодро мамаша, в девятнадцать лет недоповесился на собственном шарфе.

Не стесняясь, не скрывая, не жалуясь, женщина честно назвала причину паралича — кислородное голодание мозга. Сын или силу натяжения не рассчитал, или неправильно петлю завязал. Так думает она.

На самом деле парень накинул петлю, начал медленно тянуть шарф за концы в разные стороны. Петля не должна затянуться как следует, чтобы получить удушье, вместе с ним — «собачий кайф». Может, перетянул маленько, освободиться от удавки на шее не смог. Может, ждал, когда задохнется до точки невозврата. Может, ушел в отключку. Короче, висел между жизнью и смертью, пока не нашли родные. Они думают, хотел свести счеты с жизнью. А он хотел просто кайфануть.

Теперь у него всё под себя, всё в себе — не разговаривает. Рад был бы еще раз, непременно успешно, то есть по-настоящему, удушиться, читается в его глазах, да сил нет повторить. Живет на королевском обслуживании. Просьбы «подай», «принеси», «перенеси» родственники по глазам читают.

Зачем душил? Всё у него было: семья, здоровье, друзья. Имел выбор быть или не быть. Выбрал — не быть. Выписал наказание себе хуже, чем пожизненное заключение в тюрьме. Радует сейчас, когда не мимо горшка сходит.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ИНОСТРАНЕЦ И ПРАВИЛЬНАЯ ФРАУ

Явный иностранец — нос картошкой, теплая куртка не по погоде, туфли в пару к джинсам — вошел в здание, повернул к лестнице. Читальные залы библиотеки Берлинского политехнического университета разбросаны на приличном расстоянии друг от друга. Иностранцу нравилось заниматься в этой; этажи этой выстраивают внутренний периметр, в середине свободное пространство. Книжные стеллажи, штудирующие читатели, сотрудники за компьютерами просматриваются снизу доверху из любого угла. Никакой монументальности, светло и функционально.

Он смело повернул налево к лестнице. Кого-то окликнули. Развернулся, увидел, его подзывает человек в форме. Секьюрити стоял в типичной позе: ноги расставлены на ширине плеч, руки за спиной, изучающий взгляд. Резиновой дубинки на поясе в завершение образа не хватает. Иностранец удивился. В предыдущие разы он охрану не замечал. Сейчас обратил внимание — есть караульная комната по правую руку от

входа.

Сердитая фрау зашпребала. Из потока слов он уловил «цеин эуро», заключил, его вот-вот оштрафуют, надо спасать очень нелишние 10 евро, прибегнув к «Ду ю спик инглиш?» Фрау в ответ: «Найн». Звучат грозные интонации. Он ни бильмеса в немецком, кроме «данке шон» и «битте». Секьюрити кладет руку на его рюкзак, показывает на боксы для хранения клади, за хранение надо отдать 10 евро, работать боксы начнут в десять. Было поддесятого, фрау показывает на большие часы в холле.

Вчера было можно, сегодня нельзя, спрашивает иностранец суровую секьюрити. «Найн, найн» в читальню с рюкзаком, продолжает обвинять фрау. Однако сама открыла двери, жестом приглашая пройти в библиотеку. Секьюрити и читатель входят в здание, направляются к лестнице. Иностранец чувствует тяжесть руки фрау на рюкзаке. Рука подтолкнула идти не вверх, в цокольный этаж. Он подчинился. Они спускаются длинный пролет по крутым ступенькам, останавливаются перед стальной дверью. Фрау рукой указывает ему войти: «Битте». Открылась дверь, он посторонился, пропуская парня, которого выводили, повесив на себя, два мощных санитара. Приезжий узнал Баскетболиста.

В прошлую пятницу он заскочил в вагон метро, когда поезд, трогаясь, дернулся. Ухватился за ближайшую стойку, посмотрел вниз, оценивая масштаб пространства. Увидел пару голых ног в потрепанных кроссовках, на его взгляд, 43-45 размера. Размер не удивил, он знал девушек с большими ступнями. Из кроссовок росли длинные жилистые ноги. Глаза пошли по ногам: крупные суставы на щиколотках, узкие икры, обтянутые тонкой, без подкожного жира, кожей колени. Дает, удивился Иностранец, на улице дубак, он лично закованел, деваха на босу ногу. Глаза поползли вверх: голубая юбочка, такой же топ на веревочках. Глаза поднялись еще выше, девушка — баскетболистка. Стоп: где груди? Он поднял голову, встретился с глазами... молодого мужчины. Простецкое лицо. Без окрашенных губ, приклеенных ресниц, напوماженных щек.

Парень обнимал стальной шест в полном одиночестве, возле лишь он. Приезжий впервые увидел «голубка» живьем. Они, два клоуна, стояли рядом, держась за стойку. На следующей станции вагон опустел. Иностранец устроился на скамью возле представительного мужчины. В большом чине, решил он. Немецкие слуги народа не брезгают метро, велосипедами, отечественным — люксовые авто подавай. Не отрываясь от газеты, герр Большой Начальник дружелюбно спросил чужестранца по-английски: «Удалось рассмотреть?» Приезжий рассмеялся от души. Он-то думал, в отличие от откровенно разглядывающих парня в сарафане пассажирок, рассматривает Баскетболиста редким блицкригом. Любопытство было явным, что моментально засек солидный герр.

Баскетболиста вывели. Порог перешагнул Иностранец. Он попал в допросную гестапо: темная комната, по очертаниям бетонный подвал; железный конус яркой лампы на длинном шнуре высвечивает письменный стол в центре. Из пожарного датчика на потолке льется Вагнер. За столом три врача, он скрыт от них в полумраке. Врачи пожилые, один похож на старого Эйнштейна. Психиатрия до Третьего Рейха была еврейской вотчиной. Врачи выносили вердикт, быть или не быть страдающим шизофренией, слабоумием, параличом и прочим дармоедам, не способным к труду, то есть не приносящим пользу обществу.

Секьюрити подвела Иностранца к докторам. От напряжения скоординировать движения он не может, рот скривился, пальцы от гипертонуса выгнулись дугой наоборот, речь заторможенная, голова повернута на 90 градусов, будто башку ему уже свернули.

— Приведите в порядок, — прозвучал приказ.

Зажав за шею одной рукой, другой фрау ловко пришпандорила крест к его спине, поперечную планку за подмышки привязала к лопаткам, продольную за лоб, талию. Он выпятил грудь, руки повисли по швам. Бравый вид портили ноги, не держали корпус, подгибались.

Тройка экспертов должна поставить красный или синий крестик на его документах. Они переворачивают страницы истории болезни. Там написано, он теряет подвижность, тело живет отдельной от головы жизнью, деградирует. Достаточно ли соматика угасания для красного крестика? Иностранец склоняется к мысли, да. Подобные экспертизы проводились заочно, но Иностранцу представлялось, именно так: глаза в глаза. Высокоинтеллектуальные доктора «забыли», болезнь не вина — беда пациентов, наказывать невиновных нельзя. Психиатров самих гложет страх, они принадлежат к неправильному этносу, поэтому вынуждены сортировать пациентов по приказу главного психа всемирной истории.

— У вас положительная динамика. Вам мы выставили синий крестик. Вопрос?

— Что вы выставили Баскетболисту?

— О-о-о, какой интересный экземпляр! Беспокойся о других, — Эйнштейн подмигнул Иностранцу.

— Нечестно отправлять его к красным крестам. Боретесь за порядок, а сами выбрали параноика-некрофила управлять народом.

— Поэтому занимаемся чисткой, чтоб неправильные исчезли совсем, — Эйнштейн насутился. — Дружище, вы, конечно, смельчак, но вон отсюда, пока мы не передумали. Вас мы определили в специнтернат.

Он будет жить! Его трясет. Холодный пот то появляется, то мгновенно испаряется. Он испугался, что свалится на бетонный пол, затрясется в судорогах. Ему подвинули стул. Его поведут в особый лагерь, не отправят на верную смерть, направят в казарму, предварительно сделав инъекцию.

Он ни о чем не думает. Он уже не боится смерти. Пуще смерти он боится иглы, которой хотят каждый раз его убить, вонзая в руку. Он что есть сил сопротивляется, его связывают, втыкают жало смерти, как сейчас.

Страх не отпускает, появляется помимо желаний, проникает во все прожилки. Его лечат, лечат страхом. Безрезультатно. Он обуза людям, государству; от него надо избавиться, испечь, стереть в прах, развеять в море. Тройка покончит с его страхом или с ним самим. Пусть, он согласен. Он устал. Он сел.

Иностранец сел на стул. Сюжет про крестики пронесся в голове, пока он не опускался в подвал, а подымался на второй этаж, искал свой стол. Он углубился в «How did Medicine go so wrong?», отложенную накануне.

Блюстительница категоричной модальности словно телепортировалась из маразматичной эры «When Medicine went Mad» в наши дни на тяге к чистоте, сводящейся, в сущности, к экономии расходов на особенных персонах. Эти портят упорядоченный мир нормальных граждан, пробиваются сорной травой на свет, как ни травы. Их выбраковывают до рождения, они упорно выползают из тьмы. Иностранец принадлежал к сорнякам, у него порок эмбрионального развития, комплекс ограничений по здоровью.

Решено, сказал Иностранец себе, он перестанет подбирать одежду в тон, купит разноцветные носки, переставит асимметрично мебель, поедет не на море летом, а зимой на север в упряжке хасок кататься. Научится, если не понимать, то хотя бы не презирать голубых, индиго, черных — какие ещё они там бывают.

Щелкнуло в голове, он вспомнил, где видел схожее лицо. У той были очки. Всё так же, как в подвале: большая канцелярия, за столом близнец немецкой фfrau, приказывает руку поднять, ногу согнуть, глазами повертеть, язык показать, скорчить гримасу. Тычет иглой в подошву, ладони.

Он стоит, врач листает бумаги. Ему бы присесть — нельзя, сидит только комиссия. Закончив с бумагами, врач объявляет приговор. Он все еще стоит, положено стоять, когда зачитывают приговор: «У вас положительная динамика, переводим вас на третью бессрочную». Приговор урежет его бюджет наполовину. Она даже не подозревает, как быстро он теряет позицию за позицией.

Отчасти он был благодарен судьбе. Он перестал рассматривать себя как уникальный случай непрухи. Его заставили приспособливаться, как зверь адаптируется в дикой природе. Деньги, удачу, желания парню заменила воля. Воля привела к победе. Грант на стажировку — это бонус за годы жесткой экономии, упорной работы. РФ и ФРГ еще дружили.

В Берлине он познакомился с самой красивой девушкой на свете. У неё лебединая шея, чувственная верхняя губа, рельефные скулы, натянутая матовая кожа. Нефертити не реальная женщина, произведение искусства. Так же как идеальная девушка на экране. Он бесповоротно решил, влюбится в реальную, в чем-то неправильную особу.

Скорей в свою неправильную страну, где крепкие морозы, разбитые дороги, неистребимая коррупция. Где собственность то отнимают у богатых и раздают народу, то отбирают у народа и вручают богатым. Где в деревнях дурачки в статусе блаженных, а Иван-дурак — национальный герой.

СЛОМАЛАСЬ

Долгий летний день близился к закату. Дашков и Сергей вышли за ворота проводить деда. Снизу, с речки, по грунтовке резво бежала, Сергей посчитал, лошадь. Смуцал окрас — цвет свежих сливок с переходом в белый на брюхе. С переходами окраса бывают в его представлении только коровы, лошади обычно тотальные по цвету. Толстые, неуклюжие коровы бегать не умеют. Эта животина бежала рысцой, высоко

выкидывая коленца.

По мере приближения Сергей подумал, это молодой бычок, вымя не болталось между ногами. На одном боку беглянки широкой кистью хаотично нанесены красные маски. Из угла пасти веревкой свисает слизкая слюна. По всему видно было, убегает от погони, напугана до умопомрачения.

Дед и животина одновременно отреагировали друг на друга. Дед поднял руку на беглянку. Та посмотрела на старика, собралась шагнуть в его сторону, испугалась поднятой руки, шарахнулась от деда, вернулась на траекторию бега, помчалась дальше, не сбавив скорости. Явно спасалась бегством. От кого? От чего?

— Сломалась. Заходите за ворота, — приказал старик.

Тёлка? Не бычок? Где вымя? Испортилась, сломалась? Сергей не зашёл во двор. Ему требовалось знать, чем кончится драма молодухи. Животина скакала уже по пригорку за огородами. Её преследовала машина.

— За пригорком выпас. Туда хотят загнать.

Словно услышав его, тёлка развернулась, побежала с другой стороны улицы в сторону деревни. Скоро снова будет здесь. За ней на расстоянии следовала машина. Когда тёлка поравнялась с местом, где они стояли, Сергей взглянул в глаза тёлки. Она страдала. Паника обуяла её всю. Пронзил щемящий укол.

С ней жестоко обращались? Наглый бычара силой овладел? Хозяин быковал? Малыша в утробе потеряла? Что? Что случилось, что шарахается от машин, людей? Не узнает родные ворота. Где её дом, покой и безопасность?

Потом, в городе, он начнёт трезветь, говорить себе, это не обьюз, это инфекционная зараза, которую, к несчастью, подхватила молодуха. Длинная, тянущаяся до земли слюна тому свидетельство. Подлая крыса «удобрила» заразой сено в хлеву. Наверняка вирус проник только в неё, доселе добрую и смирную. Потому что неженка? Тонкая натура?

— Не узнаёт свои ворота, — изрёк старик.

— Поймают, на колбасу сдадут, — спросил и сам сделал заключение Сергей.

— Как ветеринар решит, — подтвердил Дашков.

Молоденькую тёлку на колбасу? Не на продажу, чтоб насладились гурманы. Рано или поздно быть перекрученной, упакованной в плёнку из нефти — частая судьба коров. Ладно, если в конце жизненного срока, обидно, если в расцвете сил. Док представил упругое мясо, нежность которого оттеняет белый, с синеватым отливом мягкий жирок. Не надо отбивать, чтоб приготовить вкусный бефстроганов. Мясо тёлки не спутать с покрытой жёлтым жиром красно-коричневой говядиной коровьей бабушки.

Мужики помолчали немного, размышляя каждый о своём, потом старик махнул рукой, мол, не провожай, сам дойду, зашагал к родной избе.

Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ

— Не говори так.

— ... жить.

— Можешь! Все могут. Родители, потерявшие ребёнка, живут дальше.

— А я не могу без тебя. Ты знаешь об этом, пользуешься, издеваешься. Привязала к себе...

— Как я издеваюсь над тобой?

— Сказала, что вернешься к «Пока все дома», сама вернулась аж вечером.

— Я же объясняю тебе, копали картошку. Услышали прогноз погоды, обещали дожди, решили выкопать картошку в это воскресенье.

— Вот поэтому я и говорю, что издеваешься. Там без тебя копальщиков много. Брат с женой что делали?

— Да ну тебя! Картошку деревенскую любишь, а ворчишь без конца...

— Я человек, а тебе картошка брата важнее.

Женщина устало поднялась, стала уходить.

— А есть? Я приготовил макароны по-флотски специально для тебя, овощи порезал.

— Сыта по горло.

— Вот именно! Я старался, а тебе накрыть стол лень.

Женщина вернулась, все так же устало накрыла стол, ждала, пока муж поест, убрала за ним, вымыла посуду. Ушла в зал, легла на диван, заснула. У нее завтра с 8.00 до 22.00 смена в продуктовом. Муж спал в спальне.

Утром съели кашу, по бутерброду с маслом, сыром под гробовую тишину. Каждый приступил к рутинным обязанностям. Камила работает 2 на 2, возвращается ровно в 22.20. Придет раньше, начнутся разборки, почему рано, придет позже — допрос, почему припозднилась. Если закрыла магазин пораньше, предпочитает «погулять» на улице, чтобы войти в квартиру в 22.20.

У них вся жизнь выстроена строго по часам, по заведенному порядку. Каши только утром, никогда вечером, сварены на молоке, наполовину разбавленном водой, никаких сладких перекусов и водки. Сигареты разрешены только Коле.

Камила придет домой, перекусит Колиным ужином и на боковую на диване. В выходные у нее хлопоты, беготня по инстанциям, поликлиникам. Сейчас добивается, чтобы за их машиной закрепили место на парковке возле дома. Протокол согласия жильцов она уже получила, осталось в городском управлении утрясти вопрос. Съездила туда, ух, успела к 13.00, к обеду, вернуться. После обеда драила кухню, туалет, ванную. Вечером отдых напротив телевизора. Коля завёл свою вольнку.

— Я не могу без тебя. Ты мне нужна как воздух. Не думал, что буду такое говорить женщине.

— А ты не говори.

— Я к тебе всей душой тянусь, ты дерзишь.

— Я спать, устала.

Растянулась на диване, уснула. Проснулась от толчка в бок.

— Ты что, спишь? Мы еще не договорили, ты спать. Ты игнорируешь меня! Чего плохого я тебе сделал?

— Достал. Дай поспать.

Хотела перевернуться на другой бок, увидела, Коля тянется к ней с ножом. Она оттолкнула руку с ножом, вскочила, в два шага оказалась у комода, взяла ключи, перескочила к окну, распахнула створки, сиганула в темень в ночной сорочке. Камила длинноногая, спортивная бабёнка. Он не успел даже опешить.

Было лето. Квартира на первом этаже. Она провела ночь в машине. Утром постучалась. Коля открыл.

— Разводимся, — заявила Камила с порога. — Квартиру продаем, делим пополам.

— И куда меня?

— В интернат. С сумкой, полной денег, тебе ноги в инвалидном интернате святой водичкой обмывать будут.

— Я не могу без тебя...

— Хватит! Ножом резать меня можешь, а жить не можешь? Конечно, конечно. Я же и судно поднесу, и спину помою, и по больничкам вожу. А ты мне в ответ вот, — она показала тоненький след дугой от пореза на полщеки. Вытянула руку. На локтевом сгибе зашитый аккуратными стежками шрам сантиметров 10. Задернула сорочку. Выше колени неровно сросшийся шрам от ножевого ранения.

Камила выработала готовность бежать от опасности. Слава богу, Коля в коляске, иначе — неизвестно, чем бы закончилась его «горячо» доказываемая любовь к жене.

— Зачем прошлое ворошить? Я же попросил прощения за те случаи. Я же тебя люблю, жить без тебя не могу.

— Ненормальная у тебя любовь! Я с тобой полгода в больнице жила, когда ногу резали. Как ты меня за это «отблагодарил»?

— Это не я. Это диабет делает меня агрессивным.

— Ах, диабет. Ты не при делах. Нет, я не буду с тобой жить. Убьешь как-нибудь.

Мама каждый раз говорит: тревожно мне за тебя.

— Конечно, конечно. Она же меня терпеть не может.

— А ты ее ненавидишь. Скажи, вот за что? Она помогает нам, а ты моих родственников ненавидишь.

— Потому что они на первом месте для тебя, я на втором.

— В чем это выражается? Я не обслуживаю тебя? Денег не зарабатываю? Уродина, что тебе стыдно со мной?

Камила — рослая, статная женщина, с кучерявыми волосами, большими с зеленой поволокой карими глазами. Женщина не понимает, насколько она хороша. Коля ей об этом не говорит.

— Не спишь рядом со мной. На диван уходишь.

— Ты сам сказал, храпишь, уснуть мешаешь.

— Я умру без тебя.

— Хватит.

Женщина собралась, ушла хлопотать по его делам. Вернулась вечером выжатая, как лимон. И продолжила жить со своим домашним тираном. На вопрос почему, отвечает: жалко, не могу его оставить одного, он без меня жить не может.

УБИТЬ ДРУГА

Это был невероятный подарок. Собственная собака, да еще какая! Немецкая овчарка! Сколько раз он видел её по телевизору, а тут держал настоящую в руках.

Он выбежал во двор, вертел щенка так и этак. Щенок не сопротивлялся. Два часа он не выпускал собаку из рук. Они познакомились. Теперь надо было поделиться потрясающей новостью с соседскими пацанами.

Прижав щенка к груди, мальчик — степенным шагом за ворота. Мигом вокруг них собралась толпа пацанов. Каждый хотел подержать щенка в руках. Его передавали из рук в руки до вечера.

Стемнело. Мальчик с щенком на руках незаметно прошмыгнул в дом, пристроился возле печи: тепло, уютно, не на виду. Мать сделала вид, что не заметила щенка. Что бы отец купил или не купил, что бы ни натворил, когда родители разбирались между собой — мальчика не трогала. У них своя жизнь. У него с щенком будет своя.

Пацанский совет решил, раз щенок немецкая овчарка, имя у него должно быть тоже иностранным. Щенок вырос в красивую немецкую овчарку. Назвали Джеком. Это вам не Тузик или Дружок.

Как старшему среди детей, мальчику доставалось много поручений, но питомца он кормил вовремя и сытно. Отлить молока, отломать ломоть хлеба, перелить остатки супа с кусочками мяса, не попадаясь на глаза родителям, он научился быстро. В ответ Джек сделал мальчика самым авторитетным пацаном на их улице. Собака сопровождала своего хозяина всюду. Джек не был собакой. Он был другом. Одним из пацанов. Рычал, когда они дрались, лизал победителя, делал пробежки туда-сюда на скорость, когда компания радовалась, вставал лапами на грудь любому, чтобы пацаны его погладили. Но ни один взрослый не коснулся загривка Джека — им он не давался.

У Джека были свои обязанности: загнать буренку в стойло, пасти овец, грозно лаять, когда к воротам подходили незнакомые люди. Мальчик и собака часами лежали или сидели бок об бок — в зависимости от времени года, разговаривали, размышляли. Джек зевал, широко раскрыв пасть, когда услышанное считал ерундой, стучал хвостом, если соглашался с высказанным. Поворачивал морду в сторону мальчика и сочувственно вглядывался в глаза друга. Собака понимала пацана, как никто другой.

Прошло два года. Овчарка на фоне худущего мальчика казалась огромной. Мать родила братика пацану. Это было хорошо. Но с матерью что-то нехорошее происходило. О не видел раньше, чтоб она днем лежала в постели. А тут она делает дело, полежит, делает другое дело, полежит. Пожелтела вся, перестала печь пироги. Со временем готовить варено для всех стал мальчик, отца никогда не было дома.

В феврале мать окончательно слегла. Положит братика ей на грудь, носится по дому, хлопочет, а мать молча следит, как он справляется. Не ругает, не учит, просто следит. Со временем кормить, качать братика легло на его плечи. Переделает как можно скорее поручения и айда на улицу с Джеком. Бабушка и дедушка стали бывать у них каждый день. Дома стали говорить шепотом. Фельдшерица объяснила пацану, что мать сильно болеет. Надвигалось что-то мрачное.

А тут Джек стал выть по ночам. Бабушка утром обмолвилась: «Ой, нехорошо. Надо избавиться от собаки, накличет беду». Пацаны тоже жаловались, что далеко раздастся вой Джека. Мальчик начистоту разговаривал с псиной, растолковывал ему: «Ты что меня подводишь? Нельзя выть, это плохо». Джек соглашался не выть ночью. Но наступала ночь, он за свое: «Ву-у-у-у, ву-у-у-у-у». Отводить собаку на ночь подальше бесполезно. Он прекрасно доберется до дома. Джек член семьи. Это и его дом.

Одним вечером мальчик позвал соседского пацана в сарай. Джек, как всегда, последовал за ним. Мальчик связал из крепкого каната петлю, надел на шею псине. Другой конец перебросил на перекладину на потолке. Сарай был невысоким, он справился. Ребята потянули веревку на себя. Джек не понимал, какую игру пацаны затеяли, но не сопротивлялся. Он доверял другу полностью, знал, он не сделает ему плохо. Мальчик его выкормил, собака помнила об этом всю жизнь.

Ребята с трудом подвесили большую овчарку. Джек задохнулся. Мальчик убил друга.

Напрасно. Вой прекратился, но это не помогло выздороветь матери. Через два дня мальчика послали за фельдшерицей. Она выкачала жидкость из живота матери. Еще через два дня, накануне 8 марта, матери мальчика не стало. А он, как все дети в школе, готовил ей подарок — открытку собственными руками: птичка из цветной бумаги на нарисованной ветке. Не успел вручить. Положил потом на крышку гроба.